

УДК 34

Пределы реализации свободы слова в конституционном и международном законодательстве

Кюрджиду Руслан Дионисович

Аспирант,

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: berl10s@icloud.com

Аннотация

В статье проведен анализ норм, сложившихся в универсальной и региональной правозащитной системе, и положений конституционного законодательства России, провозглашающих свободу слова и пределы ее реализации. По результатам анализа выявлено их относительное соответствие. В то же время, автор обращает внимание на ряд излишних ограничений реализации свободы слова, установленных в отраслевом российском законодательстве. Трансграничный характер свобод, закрепленных в универсальной и региональной правозащитной системе, подразумевает их эквивалентное обеспечение в национальном законодательстве. Однако не во всех государствах этот подход реализован в нормотворческой деятельности. В частности, в России принят ряд законов, существенно сужающих сферу реализации свободы слова. Указанные ограничения не всегда представляются разумными и достаточными, мотивированными соображениями государственной безопасности или необходимостью поддержания в обществе гражданского согласия и правопорядка. Особое внимание в статье уделено концепции равенства «оффлайн» и «онлайн» прав, основанной на толковании норм Всеобщей декларации прав человека. При этом автор критически оценивает такой способ достижения конституционно значимых целей, который включает установление излишних ограничений реализации свободы слова.

Для цитирования в научных исследованиях

Кюрджиду Р.Д. Пределы реализации свободы слова в конституционном и международном законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 98-103.

Ключевые слова

Свобода слова, гарантии, правовые ограничения, средства массовой информации, распространение информации.

Введение

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью национальной правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права. Они уступают по юридической силе конституционным нормам, хотя в доктрине высказана идея об их равенстве [Лукашук, 1995], но при этом обладают приоритетом над внутригосударственными нормативными актами. К общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, относятся положения Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ), Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ).

Основная часть

Вышеперечисленные международно-правовые акты в системе гарантируемых ими прав и свобод человека выделяют свободу слова, т.е. свободу выражения своего мнения, свободу поиска и распространения информации, свободу печати (ст. 19 ВДПЧ, ч. 2 ст. 19 МПГПП, ч. 1 ст. 10 ЕКПЧ). При этом указанные свободы носят трансграничный характер, т.е. могут реализовываться независимо от государственных границ. В ч. 3 ст. 19 МПГПП подчеркивается, что пользование ими налагает на человека особые обязанности и ответственность. По этой причине становится возможным установление ограничений в их реализации, если это требуется для уважения репутации, прав и свобод других лиц, либо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Ч. 2 ст. 10 ЕКПЧ называет еще большее количество социально полезных целей, для достижения которых свобода выражения своего мнения или свобода распространения информации могут быть ограничены: кроме перечисленных в ч. 3 ст. 19 МПГПП, перечень дополнен такими позициями, как обеспечение территориальной целостности, предотвращение беспорядков и преступлений, предотвращение разглашения конфиденциальной информации, обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Сравнив указанные нормы, мы можем сделать вывод о том, что только универсальный стандарт, включенный в положения ВДПЧ, презюмирует неограниченную реализацию свободы слова, по сути, абсолютизируя ее. Исходя из ст. 19 ВДПЧ, любые ограничения свободы слова в национальном законодательстве недопустимы. С развитием новых способов коммуникаций этот подход был перенесен и в «виртуальную реальность»: еще в 2012 г. Советом по правам человека ООН (далее – СПЧ) была принята первая резолюция, провозгласившая равенство «оффлайн» и «онлайн» прав, подтвержденная впоследствии в 2014, 2016, 2018 годах. Исходя из этого подхода, Интернет-коммуникации охраняются так же, как те права и свободы человека, которые уже получили закрепление в универсальной правозащитной системе. Это связано с признанием многоспектрального состава формы выражения свободы слова и многообразия современных коммуникаций, включающих не только традиционные, сложившиеся исторически (речь, письмо), но и появившиеся в результате научно-технического прогресса (виртуальный контент, компьютерные программы и электронные сервисы).

Приоритет конституционных норм над международно-правовыми, в том числе, над общепризнанными принципами и нормами международного права, провозглашен в современных правовых позициях Конституционного Суда РФ и развит некоторыми исследователями [Барнашов, 2013]. При этом ученые отмечают, что приоритет

общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров над внутригосударственным законодательством не получил в конституционном тексте подробного пояснения, отчего возникают проблемы с определением их места в иерархии источников национального права [Осминин, 2012]. Исходя из этого, обратимся к нормам Конституции РФ.

Ч. 1 ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому свободу мысли и слова, что буквально означает отсутствие каких бы то ни было ограничений в их реализации. Ч. 4 ст. 29 Конституции РФ провозглашает право каждого свободно искать, получать, распространять, производить и передавать информацию любым законным способом. Буквальное толкование и этого положения ориентирует на его неограниченный характер. Однако это не так: непосредственно в конституционной норме отражен ограниченный доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, а кроме того, установлен запрет агитации и пропаганды, генерирующих ненависть или вражду на расовой, национальной или иной почве. Указанные ограничения представляются разумными и достаточными, мотивированными соображениями государственной безопасности (что отсылает к указанным выше нормам МПГПП и ЕКПЧ) или необходимостью поддержания в обществе гражданского согласия и правопорядка, что также согласуется с международно-правовой традицией. Также следует отметить, что эти ограничения служат гарантиями реализации свободы слова в тех пределах, которые не затрагивают права и законные интересы других лиц.

Конституция РФ изначально была во многом ориентирована на те стандарты прав и свобод человека, которые сформировались в универсальной правозащитной системе [Николаев, 2012]. Соответственно, закрепление в ней свободы слова во взаимосвязи со свободой печати, свободным поиском информации, свободой выражения мнения в родственных им формулировках представляется естественным. Однако в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ содержится норма, на основании которой права и свободы могут ограничиваться федеральным законом в мере, в которой это необходимо для обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства, защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Из текста ст. 56 Конституции РФ следует, что свобода слова может быть ограничена в условиях чрезвычайного положения.

Таким образом, при соблюдении установленной юридической процедуры (принятие закона, издание указа главы государства) свобода слова может быть ограничена как на территории России в целом, так и в отдельных ее регионах. Как показывает практика, большинство законов, содержащих негативно воспринимаемые обществом изменения правового регулирования общественных отношений, мотивируется авторами их проектов не иначе, как достижением конституционно значимых целей, в том числе, тех, которые включены в систему «сдержек и противовесов», балансирующую реализацию свободы слова. Например, принятие в 2016 году федеральных законов № 374-ФЗ и № 375-ФЗ (получивших обиходное название «Пакет Яровой-Озерова» по фамилиям разработчиков их проектов) обосновывалось необходимостью усиления противодействия терроризму. Уже после их принятия нормы этих законов были раскритикованы, в частности, Советом по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, члены которого отметили беспрецедентность вторжения в частную жизнь граждан, а также установление непомерно серьезных препятствий для реализации целого ряда конституционных прав. В том числе, свободы слова, свободного поиска информации. Из этого можно заключить, что достижение конституционно значимых целей может становиться той ширмой, которая маскирует наступление на основные права и свободы человека и создает препятствия для их реализации.

Ряд уже действующих в России законов содержат специальные положения, существенно затрудняющие реализацию свободы слова. Так, ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» включает в правовой режим контртеррористической операции контроль телефонных переговоров, проверку почтовых отправлений, приостановление оказания услуг связи (пп. 4,7). В современных реалиях это означает невозможность оперативного информирования о событиях, происходящих в районе проведения контртеррористической операции, иначе, как посредством репортажей, готовящихся аккредитованными СМИ, или релизов, обнародуемых правоохранительными ил антитеррористическими структурами. Ангажированность раскрываемой информации тем самым становится возможной, а независимый информационный обмен – затрудняется.

Заключение

Иными словами, совокупность из четырех нематериальных благ, составляющих содержание свободы слова, может быть поставлена в такие рамки, когда фактически реализовать ее не представляется возможным. Осознавая опасность этого, ООН и ее структуры предостерегают государства от принятия таких законов, которые создают дополнительные препятствия в реализации фундаментальных прав и свобод человека. Но с учетом того, что только ст. 19 ВДПЧ раскрывает категорию «свобода слова» в приоритетном восприятии через лексему «выражение мнения», нормативный инструментарий, который мог бы быть примером для формирования внутригосударственного законодательства, недостаточен. Соответственно, можно прогнозировать, что в большинстве стран ограничения реализации свободы слова по-прежнему будут вуалироваться достижением конституционно значимых целей.

Библиография

1. Барнашов А.М. Конституции государств и международное право // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2. С. 24-28.
2. Лукашук И.И. Конституционное право и международное право // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 33-34.
3. Николаев А.М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. 512 с.
4. Организация Объединенных Наций и вопрос о свободе убеждений и их свободном выражении. URL: <http://www.un.org/ru/rights/expression/>
5. Осминин Б.И. Международные договоры и иерархия источников внутригосударственного права // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 102-113.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

9. Резолюция Совета ООН по правам человека о защите прав человека в Интернете. URL: <https://www.osce.org/ru/fom/252286>
10. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на Федеральные законы от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и № 374-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3726/>

The limits of freedom of speech in constitutional and international law

Ruslan D. Kiurdzhidu

Postgraduate,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: berl10s@icloud.com

Abstract

The article analyzes the norms established in the universal and regional human rights system, and the provisions of the constitutional legislation of Russia proclaiming freedom of speech and the limits of its implementation. According to the results of the analysis revealed their relative compliance. At the same time, the author draws attention to a number of unnecessary restrictions on the implementation of freedom of speech, established in the sectoral Russian legislation. The transboundary nature of freedoms enshrined in the universal and regional human rights system implies their equivalent provision in national legislation. However, not in all states this approach is implemented in lawmaking activities. In particular, in Russia a number of laws have been adopted, significantly narrowing the sphere of realization of freedom of speech. These restrictions are not always reasonable and sufficient, motivated by considerations of state security or the need to maintain civil consent and the rule of law in society. The article pays special attention to the concept of equality of “offline” and “online” rights, based on the interpretation of the norms of the Universal Declaration of Human Rights. At the same time, the author critically assesses this method of achieving constitutionally significant goals, which includes the establishment of unnecessary restrictions on the exercise of freedom of speech.

For citation

Kiurdzhidu R.D. (2018) *Predely realizatsii svobody slova v konstitutsionnom i mezhdunarodnom zakonodatel'stve* [The limits of freedom of speech in constitutional and international law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 98-103.

Keywords

Freedom of speech, guarantees, legal restrictions, mass media, information dissemination.

References

1. Barnashov A.M. (2013) *Konstitutsii gosudarstv i mezhdunarodnoe pravo* [State Constitutions and International Law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2, pp. 24-28.

2. *Ekspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka na Federal'nye zakony ot 6 iyulya 2016 goda № 375-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeistviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti» ii № 374-FZ «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v odel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeistviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti»* [Expert opinion of the Council under the President of the Russian Federation on the development of civil society and human rights to the Federal Laws of July 6, 2016 No. 375-ФЗ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional countermeasures terrorism and public safety” and № 374-ФЗ “On introducing amendments and addenda to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures fumes terrorism and ensure public safety”]. Available at: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3726/> [Accessed 10/10/2018]
3. Lukashuk I.I. (1995) *Konstitutsionnoe pravo i mezhdunarodnoe pravo* [Constitutional law and international law]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2, pp. 33-34.
4. Nikolaev A.M. (2012) *Evropeiskaya konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: konstitutsionno-pravovoi mekhanizm realizatsii v Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: A Constitutional-Legal Mechanism for Implementation in the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
5. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii i vopros o svobode ubezhdenii i ikh svobodnom vyrazhenii* [The United Nations and the question of freedom of opinion and expression]. Available at: <http://www.un.org/ru/rights/expression/> [Accessed 10/10/2018]
6. Osminin B.I. (2012) *Mezhdunarodnye dogovory i ierarkhiya istochnikov vnutrigosudarstvennogo prava* [International treaties and the hierarchy of sources of domestic law]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 11, pp. 102-113.
7. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.07.2015 № 21-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 1 Federal'nogo zakona «O ratifikatsii konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i protokolov k nei», punktov 1 i 2 stat'i 32 Federal'nogo zakona «O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiiskoi Federatsii», chastei pervoi i chetvertoi stat'i 11, punkta 4 chasti chetvertoi stat'i 392 Grazhdansko-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, chastei 1 i 4 stat'i 13, punkta 4 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, chastei 1 i 4 stat'i 15, punkta 4 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii i punkta 2 chasti chetvertoi stat'i 413 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy Rossiiskoi Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 No. 21-P on the case on verification of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law “On Ratification of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols thereto”, paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law “On international treaties of the Russian Federation”, parts one and four of article 11, clause 4 of part four of article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of clause 13, clause 4 of part 3 of article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, clause 4 of part 1 of article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and clause 2 of part four of article 413 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with a request from a group of deputies of the State Duma of the Russian Federation].
8. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.04.2016 № 12-P po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstitutsiei Rossiiskoi Federatsii postanovleniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossiiskoi Federatsii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P on the case on resolving the issue of the possibility of execution, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, of the decision of the European Court of Human Rights dated July 4, 2013 in the case of Anchugov and Gladkov Russia connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation].
9. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10.10.2003 № 5 «O primenenii sudami obshchei yurisdiksii obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 No. 5 “On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation”].
10. *Rezolyutsiya Soveta OON po pravam cheloveka o zashchite prav cheloveka v Internete* [Resolution of the UN Human Rights Council on the protection of human rights on the Internet]. Available at: <https://www.osce.org/ru/fom/252286> [Accessed 10/10/2018]